

ЗАКАЗНОЕ «БАНКРОТСТВО»

Предупреждаем: это скучное чтение. Но вы поймете, как при процедуре банкротства лучшие предприятия России переходят в руки нечистоплотных дельцов. Мы покажем на конкретном примере весь механизм.

Способностям этих людей могли бы позавидовать лучшие актеры. В высоких кабинетах и на телеэкране их лица чисты и полны тревожных забот за судьбы страны. Какая неподдельная скорбь в глазах, какая задумчивость на чиновном челе, какая решительность в играющих желваках. Одним словом, Родина в надежных руках. Увы, реальный облик некоторых российских чиновников так же далек от картинки на телеэкране, как их заморские виллы от наших российских Гореловых, Нееловых и Неурожаяек.

Банкротство как способ обогащения

В начале августа этого года Федеральная служба по финансовому оздоровлению (ФСФО) приостановила действие лицензии внешнего управления Ленинградского Металлического завода (ЛМЗ) Евгения Гуляева. «Вина» внешнего управляющего заключалась в том, что, вопреки сложившейся в России традиции, он не позволил довести это крупнейшее энергомашиностроительное предприятие до банкротства. Напротив, принятые им меры позволили ЛМЗ привлечь гигантские инвестиции и открыли перед предприятием перспективы выхода из кризиса уже в ближайшее время. Иными словами, Гуляев заплатил за то, что слишком буквально понял задачу внешнего управления – «способствовать финансовому оздоровлению предприятия». Возмущению руководства ФСФО не было предела. Мало того, что лучшие умы этого «оздоровительного» ведомства уже давно зачислили ЛМЗ в разряд «банкротов». Действия Гуляева посягнули на самое «святое» – давнюю дружбу руководства «Финоздоровления» с «Энергомашкорпорацией» (ЭМК), до недавнего времени крупнейшего акционера ЛМЗ и главного организатора процедуры банкротства завода. Дружбу, заметим, настолько крепкую, что разрушить ее не смогли ни активное расследование деятельности ЭМК со стороны правоохранительных органов, ни более чем сомнительная история банкротства московской «Энергомашиностроительной корпорации» с ее последующим «воскрешением» в далеком северном Вельске – но уже как компании со стопроцентным иностранным капиталом. Ни даже решения Арбитражного суда, признавшего действия внешнего управления ЛМЗ соответствующими закону.

Любопытно, что именно владеющая 30 процентами акций ЛМЗ «Энергомашкорпорация» в свое время вела дела предприятия столь «успешно», что итогом этой деятельности стало начало процедуры банкротства завода. После этого оставалось лишь ждать, когда предприятие рухнет окончательно и будет выставлено на торги. После чего, как это уже не раз случалось в нашей истории, его можно будет купить за копейки. Следует отметить, что банкротство как способ приобретения наиболее перспективных заводов вообще является отличительной чертой бизнеса «Энергомаш-

корпорации». С середины 90-х годов ЭМК «отметилась» подобным образом едва ли не на всех предприятиях энергомашиностроительной отрасли. События развивались по одной и той же схеме: сначала представители ЭМК «заходили» в руководство будущей «жертвы» – как правило, крупного госпредприятия. Затем начинался безудержный рост кредиторской задолженности завода (как правило, самой ЭМК или аффилированным с ней структурам). Затем предприятие объявлялось банкротом и на его месте возникала новая структура – в старых стенах и с тем же трудовым коллективом, но с иной формой собственности: вновь созданные ЗАО, как правило, уже полностью принадлежали «Энергомашкорпорации» и ее главе Александру Степанову. Так было в Приморье, где после продолжительных боев с местной администрацией в руки ЭМК за бесценок перешел крупнейший комбинат «Бор». Так было и в Ростове, где на месте некогда крупнейшего в России предприятия «Атоммаш» возникло детище Степанова «ЭМК-Атоммаш», более государству не принадлежащее. И примеров таких в истории корпорации – пруд пруди. Итогом столь бурной деятельности стало то, что большая часть стратегических предприятий энергомашиностроительной отрасли стали не просто частными, но и вовсе сменили российскую «прописку»: предусмотрительный «хозяин» – ЭМК – сделал формальным собственником этих акций ряд небольших офшорных фирм, зарегистрированных на британских Виргинских островах.

Однако на этот раз старый фокус не удался. Евгений Гуляев нашел способ выхода из банкротства, хорошо известный на Западе, но до сих пор не применявшийся в России, – провел дополнительную эмиссию акций завода. В итоге 14 миллионов акций ЛМЗ разошлись «на ура», что позволило предприятию привлечь достаточно средств для выхода из кризиса и расчета с кредиторами. Однако эта мера не устраивала ЭМК. Мало того, что ЛМЗ уходил от процесса банкротства, а значит, и из-под носа Степанова. Помимо этого существенно снизилась доля корпорации в уставном капитале ЛМЗ. И тогда на помощь «Энергомашкорпорации» пришла ФСФО. Та самая служба, которая, казалось бы, должна всячески содействовать финансовому оздоровлению предприятий, а не вгонять их в долговую яму. Увы, как показали дальнейшие события, слово «оздоровление» всякий понимает по-своему.

Я здоровый. Что со мной?

Если верить статистике, за годы своего существования служба банкротств (ФСДН – ФСФО) провела банкротство 11 700 предприятий. В настоящее время идет процесс продажи их имущества. При этом руководство ФСФО радостно рапортует: с 1995 года ведомству господина Таля «удалось спасти» около 700 предприятий. Не правда ли, странные цифры? Как ни крути, счет явно не в пользу ФСФО. Не менее удивительно и другое – само отношение руководителя ФСФО к процедуре банкротства. Банкротство, утверждают г-н Таль и его заместитель, «это не насильственное умерщвление предприятий, а наиболее эффективный инструмент рыночной экономики, направленный на финансовое оздоровление предприятий-должников и освобождение их от отягочающих ненужных активов». Насчет «ненужных» активов – тут все понятно. Главным итогом банкротства по-русски действительно является перекачка этих самых активов в иностранные офшорки, где они почему-то очень

даже нужны. А что касается «наиболее эффективного инструмента рыночной экономики», то кому, как не господину Талю, лучше всех известно, что именно с помощью банкротства идет тотальная скупка наиболее перспективных госпредприятий за бесценок? Не потому ли среди основных претендентов на банкротство сплошь да рядом – ведущие предприятия России, до недавнего времени бывшие основой отечественной промышленности?

Впрочем, логика ФСФО вполне поддается объяснению. И в самом деле, как еще оценивать эффективность «банкротного» ведомства, если не по количеству банкротств? Подход, известный нам еще с советских времен, когда затратность считалась главным показателем эффективности. А потому чем крупнее и перспективнее российское предприятие, тем больше соблазн провести его «оздоровление». Тем более если прямую заинтересованность в этом проявляют дружественные ФСФО корпорации. Например, «Энергомашкорпорация», ставшая главным противником действий внешнего управляющего ЛМЗ Евгения Гуляева. Потребовалось более полугодия и с десятком судебных процессов, чтобы доказать главе «Энергомаша» А. Степанову правомерность действий Евгения Гуляева. Однако главный упор в своей борьбе за Ленинградский Металлический завод ЭМК сделала на ФСФО. Несколько раз Евгений Гуляев вызывался на «ковер» к главе ведомства Г. Талю, где ему прямо указывали на неправомерность его действий по проведению дополнительной эмиссии акций. (То есть денег!) Формально ФСФО защищала интересы «Энергомашкорпорации» как акционера ЛМЗ. Выпуск акций ущемляет-де законные права собственника ЭМК.

«Энергомашкорпорация» поддакивала и предлагала сменить Евгения Гуляева на другого представителя СФСО – Татьяну Грамотенко. Последняя возглавляет терагентство ФСФО по Ростовской области, однако с началом «битвы за ЛМЗ» прочно обосновалась в Санкт-Петербурге, где последовательно отстаивает интересы ЭМК. С чего бы это?

Что-то с памятью моей стало...

Вообще Татьяна Грамотенко – личность, весьма известная в «околобанкротных» кругах и, по слухам, пользующаяся особым доверием руководства ФСФО.

Передо мной – стенограмма интервью Татьяны Грамотенко, опубликованного в одном из деловых еженедельников. Дело происходит в октябре 1999 года. Речь идет о приходе «Энергомашкорпорации» на флагман отечественного энергомашиностроения АО «Атоммаш». Вот как комментирует эту ситуацию представитель ФСФО госпожа Грамотенко: «Сегодня арбитражные управляющие приходят на завод не в гордом одиночестве, а вместе с командой, состоящей из менеджера, юриста и бухгалтера». Добавим от себя, что члены этой «команды», как правило, находятся на довольствии у фирмы — «заказчика» банкротства. В случае с «Атоммашем» было и того хлеще – арбитражным управляющим гиганта стал сам глава ЭМК А. Степанов!

Гораздо любопытнее другое высказывание Т. Грамотенко в этом же интервью. Оно касается интересов московской фирмы «ЯКОНТО», владевшей в то время 30-процентным пакетом акций «Атоммаша» и потерявшей их после перехода предприятия в руки ЭМК. Фирму, разумеется, такое положение дел не устраивало, но позиция ФСФО была непреклонной. «Известно, – говорит по этому поводу госпожа Грамотенко, – что внешний управляющий отстаивает права не собствен-

ников, а кредиторов, которые, в свою очередь, могут привести на предприятие более эффективного собственника или сами таковыми стать».

Замечательные слова. Так и звенит в них сталь его величества Закона. Остается непонятным, почему же в таком случае решение Е. Гуляева о проведении допэмиссии акций, в результате которой кредиторы предприятия стали его собственниками, вызвало столь негативную реакцию у Т. Грамотенко и ее шефа? Можно, конечно, сослаться на короткую девичью память, да как-то неловко: ведь речь в данном случае идет о чиновнике немалого масштаба. Непонятно и другое: каким образом госчиновник, постоянное место работы которого находится в далеком Ростове, вот уже который год числится консультантом у подконтрольного ЭМК бывшего директора ЛМЗ В. Чернышова?

На самом же деле ответ прост: позиция ФСФО в отношении ЛМЗ, «Атоммаша» и других предприятий энергомашиностроительной отрасли неизменна лишь в одном – в защите интересов «Энергомашкорпорации».

Примеров тому хоть отбавляй. Один из последних – сегодняшние события на «Петрозаводскомаше», где ЭМК пытается насильно втиснуться в состав акционеров предприятия опять же не без помощи представителя ФСФО – в данном случае бывшей главы регионального отделения ФСФО по Республике Карелия госпожи Коцюба. Сегодня она – одна из первых заместителей главы ФСФО Г. Талья. И одновременно – давний «соратник» Степанова. Кстати, именно с ее подачи (сегодня Коцюба возглавляет комиссию по контролю за деятельностью арбитражных управляющих) сразу же после принятия решения о проведении допэмиссии акций на ЛМЗ и к его внешнему управляющему зачастили проверяющие из Москвы. Смысл проверок был более чем очевиден – нужно было во что бы то ни стало «накопать» компромат на Гуляева, с тем чтобы сменить его на многоопытную в банкротных делах и лояльную к ЭМК Т. Грамотенко. Не вышло. Точку в вопросе о проведении допэмиссии поставил Арбитражный суд, признавший действия Е. Гуляева законными. Что не помешало ФСФО «хлопнуть» на прощание дверью и лишить Гуляева лицензии. Формально – до выяснения правомерности его действий. Издевательство? Нет, простая чиновничья «демонстрация силы».

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Эволюция российского чиновника за последнее десятилетие достойна восхищения. На смену высмеянным еще Чеховым нарукавникам и стоптанным башмакам явились тяжелые «Мерседесы», бриллиантовые запонки и неподражаемый лоск в голосе. Произошедший симбиоз госчиновников с олигархами и предпринимателями всех мастей уже принес свои плоды. Страна, претендующая на статус великой державы, на деле едва не утратила не только свой уникальный производственный потенциал, но и способность поддерживать деятельность жизненно важных объектов. А потому сегодня уже никаким талантом не скрывать истинное лицо тех чиновников, благодаря которым традиционный вопрос о том, кому на Руси жить хорошо, давно превратился в риторический.

Татьяна ЛАРИНА

11.09.2000
